

ЛЕНИН «НА СЛУЖБЕ» АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ РАЗВЕДКИ (по поводу статьи А. Дюкова)

Калашников Владимир Валерьянович
— д.и.н., профессор С.-Петербургского
государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина)

Аннотация. Автор рассматривает и отвергает как безосновательную версию о том, что в период эмиграции в 1912-1914 гг. Ленин был агентом военной разведки Австро-Венгрии. Эту версию выдвинул историк А. Дюков.

Ключевые слова. Ленин, Краков, Поронин, военная разведка Австро-Венгрии, Я. Ганецкий, А. Дюков.

LENIN "IN THE SERVICE" OF AUSTRO-HUNGARIAN INTELLIGENCE (regarding A. Dyukov's article)

Kalashnikov Vladimir Valeriyannovich,
Doctor of Science, History, Professor of Saint-Petersburg Electrotechnical University "LETI" named after V.I. Ulyanov (Lenin)

Annotation. The author considers and rejects as unfounded the version which presents Lenin as an agent of military intelligence service of the Austro-Hungarian Empire in 1912-1914. The version was invented by a historian A. Dykov.

Keywords. Lenin, Krakov, Poronin, a military intelligence service of the Austro-Hungarian Empire, Y. Haneck, A. Dykov

DOI: 10.5281/zenodo.21000479

Вводные замечания

Недавно один из молодых коллег привлёк моё внимание к статье сотрудника ИРИ РАН А. Дюкова «Обстоятельства ареста и освобождения В. И. Ульянова в австрийской Галиции в контексте оперативной деятельности австро-венгерской военной разведки, 1912–1914 г.» [8, с. 106-151]. Автор статьи выдвинул версию о том, что в период пребывания в эмиграции в Кракове Ленин был *агентом* военной разведки Австро-Венгрии¹. Коллега хотел узнать моё мнение по этому поводу. Я решил довести его до более широкого круга читателей, поскольку статья А. Дюкова представляет собой частный случай наиболее деструктивного тренда в постсоветской историографии, направленного на дискредитацию роли Ленина и Октябрьской революции в истории нашей страны. В период «холодной войны» тренд формировался консервативной

¹ Все выделения в тексте сделаны нами — В.К.

частью западных историков, а после 1991 г. насаждался в России на деньги «филантропа» Дж. Сороса и других западных фондов. В последние годы этот тренд в отечественной историографии заметно ослаб на фоне войны, в которую Запад втянул Украину и Россию. Война наглядно показала, что современная Россия способна противостоять Западу только потому, что опирается на потенциал, доставшийся в наследство от советского периода истории. В таком контексте сложно клеветать на Ленина – творца Октябрьской революции, которая сделала Россию сильной: создала возможность победить фашизм и стать Советскому Союзу орудием разрушения мировой колониальной системы, оплотом мира, международного права и социального прогресса. Постсоветская Россия не способна выполнять такие функции.

Появление на этом фоне статьи с откровенно фальшивым обвинением Ленина в сотрудничестве с австрийской военной разведкой стало неприятной неожиданностью. Ранее мне попадались другие публикации Дюкова, которые оставляли позитивное впечатление.

Позицию автора статьи выражает фраза: «На наш взгляд, вводимые в научный оборот материалы свидетельствуют, что сотрудничество В. И. Ульянова с австро-венгерскими спецслужбами во время его нахождения в австрийской Галиции, *безусловно*, имело место, – и что благодаря этому сотрудничеству Ульянов был столь быстро освобождён из-под ареста в августе 1914 г. и выехал в Швейцарию». Характер сотрудничества определяет следующая фраза: «...из тюрьмы вытаскивали *собственного агента*» [8, с. 120, 150].

Такая категоричность требует особого отношения к статье Дюкова: её нельзя оставить без внимания. Тем более, что автор позиционирует себя как сотрудника ИРИ РАН, а статья является кратким изложением книги, уже подготовленной к печати. Откровенно говоря, меня поразила та скорость (всего за 9 месяцев), с которой Дюков, по его словам, написал эту книгу, проделав огромную работу: «за это время я изучил историографию (более полутора сотен наименований на русском, польском, немецком и английском), прочёл примерно сотню польских и русских газет 1912–1914 гг. и более 15 тысяч страниц в большинстве своём ранее не вводившихся в научный оборот документов из архивов России, Польши, Австрии, Швейцарии и США – и писал, писал, писал»². Указанный объем работы за такой срок мне представляется невероятным даже с учётом тех возможностей, которые предоставляют компьютер, интернет и современные технологии поиска, копирования и перевода различных материалов, в том числе взятых с сайтов библиотек и архивов зарубежных стран. По мере чтения статьи мои сомнения в добросовестном отношении автора к источникам усиливались. В тексте много откровенных натяжек и домыслов, которые прикрываются «глухими» ссылками на использованный документ: автор не сообщает, что кон-

² См. страничку Дюкова на сайте Телеграм: <https://t.me/historiographie/24890>.

кретно содержит документ, нет цитаты, которая могла бы подтвердить предложенную трактовку этого документа, нет названия документа, даты создания и т. п. В итоге вся версия Дюкова построена на предвзятых трактовках нераскрытых источников.

Прежде чем критиковать позицию А. Дюкова, предлагаю читателям краткий очерк, который содержит трактовку истории ареста и освобождения Ленина, принятую в советской историографии³. Очерк основан на документах, которые собрал и опубликовал в 1924 г. и 1933 г. польский социалист Яков Ганецкий, соратник Ленина по краковской эмиграции [14, 6]. После революции он работал в СССР и ездил в Польшу для возвращения архива, оставленного Лениным в Кракове. В 1937 г. Ганецкий был репрессирован, и его имя исчезло из трудов историков, но уже в 1954 г. Ганецкого реабилитировали, и его публикации вновь стали использоваться. Обратившись к документам, собранным Ганецким, я и написал, не претендуя на оригинальность, этот очерк с тем, чтобы поставить в правильный контекст версию А. Дюкова, который постоянно упрекает советских историков в том, что они что-то скрывали, искажали и т. п. В ответ утверждаю, что Дюкову не удалось опровергнуть трактовку, изложенную ниже.

Арест в Поронино: краткий очерк

Вождь большевиков, находясь в эмиграции после поражения революции 1905–1907 гг., летом 1912 г. приехал в польский Краков, входивший тогда в состав Австро-Венгрии. Город был расположен недалеко от российской границы, что позволяло Ленину поездом через Варшаву быстро пересылать в Петербург статьи в «Правду», легальную газету большевиков, а также руководить подготовкой к выборам в IV Государственную думу, которые осенью принесли большевикам победу в промышленных районах Российской империи. Эта победа поставила перед Лениным задачу оперативно направлять работу думской фракции.

Власти Австро-Венгрии не препятствовали деятельности на своей территории сил, оппозиционных правительству царской России, но следили за тем, чтобы под маской революционеров в страну не проникали агенты российской военной разведки. В Австро-Венгрию приезжали сотни политических эмигрантов. Те, кто побогаче, жили в Вене, столице империи. Например, Троцкий выпускал там свою газету, так называемую венскую «Правду». В августе 1912 г. он собрал в Вене конференцию меньшевиков, которая не признала общепартийной конференцию большевиков, проведённую Лениным в январе в Праге, т. е. тоже на территории Австро-Венгрии. Ситуация в Кракове была особенно благоприятной для российских революционеров, которые поддерживали борьбу поляков за объединение разделённой страны: «право на са-

³ Наиболее известные работы советских историков, посвящённые краковскому периоду: [2; 1; 9].

моопределение за всеми нациями» было включено в Программу РСДРП ещё в 1903 г. Краковские социалисты помогали Ленину и другим революционерам, используя связи с польскими чиновниками, работавшими в государственных структурах Австро-Венгрии, включая полицию. Тем не менее краковские полицейские выполняли свои обязанности и время от времени интересовались передвижениями Ленина, а также гостями, приезжавшими к нему из России. Об этом со ссылками на документы ещё в 1950-е годы написала польский историк-коммунист В. Найдус, самый крупный специалист по теме «Ленин в Польше» [15, с. 28-30].

С началом первой мировой войны ситуация изменилась: 7 августа (н. с.) 1914 г., т. е. на следующий день после того, как Австро-Венгрия объявила войну России, Ленин был арестован в местечке Поронин недалеко от Кракова. В домик, снятый им на лето, пришёл жандармский вахмистр, получивший донос о подозрительном поведении российского подданного. Жандарм изъял три тетради со статистическими данными по аграрному развитию ряда стран мира, подозревая в них шифровки, и написал Ленину утром поехать с ним в город Новый Тарг, ближайший районный центр [14, с. 173-175]. Опасаясь ареста, Ленин обратился к Я. Ганецкому, которого знал со времени II съезда РСДРП (1903). Ганецкий жил неподалёку и часто помогал Ленину, являясь членом «Союза помощи политзаключённым» – легальной организации, созданной краковскими социалистами. Выслушав Ленина, Ганецкий дал телеграмму председателю Союза – депутату австрийского парламента, социал-демократу Зигмунду Мареку, попросив его поручиться за Ленина [6, с. 17-18]. По совету Ганецкого Ленин дал телеграмму директору полиции Кракова: «Здесьняя полиция подозревает меня в шпионаже. Жил два года в Кракове, в Звежинце и № 51 ул. Любомирского. Лично давал сведения комиссару полиции в Звежинце. Я эмигрант, социал-демократ. Прошу телеграфировать Поронин и старосте Новый Тарг во избежание недоразумений» [11]. Из текста видно, что Ленин не был лично знаком с директором полиции Кракова и предлагал навести справки в полиции Звежинца – районе, где вождь большевиков первоначально поселился, оформил прописку и заполнил анкету, которую в полиции заполняли все эмигранты⁴. Марек, обратившись к директору полиции Кракова, подтвердил, что Ленин является членом революционной партии и не может быть российским шпионом. Директор, наведя справки, отправил телеграмму в жандармерию Поронина: «Против Ульянова не имеется здесь ничего предосудительного в области шпионажа. Краков 7.VIII. 1914 г.». Копию послали старосте (окружному начальнику) в Новый Тарг. Однако староста, не желая брать на себя ответственность, 8 августа арестовал Ленина и направил дело в окружной суд, который передал его военному прокурору краковского гарнизона.

⁴ Ганецкий нашёл и опубликовал эту анкету и протокол допроса Ленина в районной полиции: [6, с. 47–49].

Ганецкий сообщил об аресте Ленина ряду видных австрийских и польских социал-демократов, что и привело к освобождению вождя большевиков через 12 дней. Главную роль сыграл Виктор Адлер, лидер австрийской социал-демократии, депутат рейхсрата (австрийского парламента), к которому с просьбой о помощи обращалась и Н. К. Крупская. Адлер вместе с другим видным депутатом парламента Г. Диаман-дом 16 августа встретились с начальником канцелярии Министерства внутренних дел Австро-Венгрии. Депутаты поручились за Ленина как убеждённого противника царизма. Правительство Австро-Венгрии было заинтересовано в добрых отношениях с лидерами левых партий, которые в парламенте недавно голосовали за военные кредиты. На следующий день руководство МВД проинформировало полицию и военные власти в Кракове о том, что за Ленина поручились влиятельные депутаты, и их поручительству можно верить: «говорят правду» [14, с. 180]. Получив эту информацию утром 18 августа, военный комендант Кракова, старший начальник в условиях военного времени, велел *«приостановить»* дело против Владимира Ульянова за *отсутствием оснований* для возбуждения судебного следствия». В тот же день военный прокурор запросил и получил от местного органа военной разведки устное уведомление о том, что у неё нет оснований считать Ленина российским шпионом [6, с. 36]. Утром 19 августа военный прокурор отправил в Новый Тарг телеграмму: «Владимир Ульянов подлежит немедленному освобождению», что и было исполнено. На следующий день Ленин и Крупская письмом благодарят В. Адлера за помощь [14, с. 182]. 29 августа Ленин получил в полиции Кракова удостоверение на право покупки билетов на почтовый поезд до Вены. В Вене он встретился с В. Адлером и получил в полиции документы для проезда к швейцарской границе [6, с. 33-36].

Чтобы попасть в Швейцарию, Ленин заручился содействием швейцарских социал-демократов. По просьбе В. Адлера за Ленина поручился Герман Грейлих, один из основателей швейцарской социал-демократической партии [4, с. 273]. По прибытию в Цюрих 5 сентября Ленин отправляет В. Адлеру открытку: «Уважаемый товарищ! Благополучно прибыл со всем семейством в Цюрих ... Ваша помощь, таким образом, была для меня очень полезна. Для въезда в Швейцарию требуют паспорта, но меня пропустили без паспорта, когда я назвал Грейлиха. Наилучшие приветы и наилучшая благодарность. С партийным приветом. Ленин (В. Ульянов)» [11, с. 2]. Поручительство Г. Грейлиха показывает, что в Швейцарии, как и в Польше, Ленину помогал решать проблемы тот авторитет, которым обладали социал-демократы во многих странах Европы.

Вот кратко вся история с арестом и освобождением Ленина, которая была хорошо известна советским историкам по документам, собранным Ганецким. И не только историкам: в 1972 г. тиражом в 40 000 экземпляров был опубликован 3 том Биохроники Ленина, который содержал изложение обстоятельств ареста и освобождения Ленина со ссылками на источники [4, с. 267-273]. Иными словами, основные докумен-

ты, связанные с периодом жизни Ленина в Кракове, были доступны для всех, кто интересовался этой темой.

Доступность и весомость источников стали причинами того, что и в мировой историографии версия «Ленин – агент военной разведки Австро-Венгрии» никогда не пользовалась популярностью. Серьёзные историки её игнорировали. Сошлюсь на работы самого известного западного биографа В. И. Ленина – британского историка Роберта Сервиса, который в 1985–1995 гг. написал трёхтомник "Ленин: политическая жизнь" [22], а в 2000 г. свёл его в один том. В нем есть и очерк об аресте и освобождении Ленина в августе 1914 г. Отметим, что Сервис использовал любую возможность для того, чтобы выставить Ленина в негативном свете. Тем не менее он отбросил версию «Ленин – агент австрийской разведки», равно как и версию «Ленин – германский агент», хотя и допускал возможность тайного косвенного финансирования Германией большевиков в 1917 г.⁵

Такую же позицию заняли авторы одной из новейших работ о Ленине, написанной австрийскими историками, т. е. теми, кто мог комфортно работать с австрийскими архивами. Речь идёт о книге В. Мориц и Х. Лейдингера «Ленин. Биография: переоценка» (2023) [21]. Авторы отметили лояльное отношение имперских властей к российским революционерам, но отвергли версию о сотрудничестве Ленина с австрийской разведкой. Дюков выразил недовольство такой позицией и упрекнул австрийских историков в том, что они «парадоксальным образом» проигнорировали «абсолютно все опубликованные источники» [8, с. 117]. На наш взгляд, австрийские историки проигнорировали не источники, а версию «Ленин – агент», и сделали это как раз потому, что все известные источники не содержат аргументов в её пользу.

А. Дюков поставил задачу опровергнуть эту историографическую традицию, ссылаясь на якобы найденные им принципиально новые документы, которых на самом деле в статье не оказалось. По этой причине мне как историку анализ статьи Дюкова был неинтересен: его «аргументы» примитивны, но, поскольку, по свидетельству моих коллег, статья Дюкова произвела впечатление на часть аудитории в интернете, проделаем эту работу.

Версия Дюкова

Напомним суть версии Дюкова: быстрое освобождение Ленина из тюрьмы в Новом Тарге доказывает факт сотрудничества вождя большевиков с краковским бюро военной разведки Австро-Венгрии (НК Stelle). Отметим, что версия не оригинальна. Она была озвучена в общих чертах в 1915 г. меньшевиком Г. А. Алексинским, но не получила признания в силу известной репутации Алексинского как клеветника, заикленного в годы мировой войны на поиске шпионов среди социалистов. По этой при-

⁵ См. [18].

чине меньшевики и эсеры в 1917 г. дважды отказывались ввести Алексинского в состав Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, о чем Дюков, упоминая об Алексинском, тщательно умалчивает.

«Сожжённые архивы». Повторим свой тезис о том, что автор статьи, несмотря на многозначительные заявления, не нашёл *ни одного* документа, который бы доказывал сотрудничество Ленина с военной разведкой Австро-Венгрии. Фактически Дюков сам это признает и объясняет: секретные архивы разведки, которые могли содержать такие доказательства были уничтожены в ноябре 1918 г. после того, как итальянские войска [опираясь на условия перемирия от 3 ноября – В.К.] вступили на территорию Австро-Венгрии и быстро продвигались к Вене. В такой ситуации 300 000 секретных документов Эвиденцбюро (Главное управление военной разведки), включая «личные дела и записи, касавшиеся привлечённых агентов», были сожжены в печи [8, с. 141]. Это объяснение порождает законный вопрос: могли ли в ноябре 1918 г. ленинские документы лежать в архивах Вены, так сказать, «в общей куче»? Очевидно, что нет. После Октябрьской революции Ленин был главой государства, причём особого – революционной России, представлявшей угрозу всей буржуазной Европе. Сотрудники австрийской разведки не могли не понимать важность сохранения документов, которые компрометировали Ленина. Напомним, что в том году в Вашингтоне были опубликованы «документы Сиссона» – фальшивки, приобретённые за большую сумму посланником президента США в России. Об этом писала мировая пресса. Подлинные документы о работе Ленина на австрийскую разведку, если бы они существовали, находились бы в архивах Вены на особом хранении. Никто бы их не сжёг вместе с другими архивами, и такие документы обязательно бы появились в тот или иной момент на политическом рынке. Но они никогда не появлялись, потому что не существовали.

Закономерен и второй вопрос: зачем было уничтожать улики в отношении Ленина в ноябре 1918 г. в далёком Кракове, которому никакие итальянские войска не угрожали? К этому времени Австро-Венгерская империя уже распалась: чехи, венгры и поляки заявили о своей независимости. В Кракове 28 октября социалисты учредили Польский ликвидационный комитет – временное правительство с целью создания независимой Польши, и все краковские службы подчинялись этому комитету. В краковском отделении военной разведки служили в основном поляки, которые не позволили уничтожить архивы. Ганецкий установил, что с начала 1918 г. в дирекции краковской полиции документы, связанные с Лениным, хранились в новой папке с заголовком «Ленин – властитель Советской России», а в ноябре 1918 г. все документы, равно как и книги, оставленные Лениным в Поронине, были переданы в Варшаву [6, с. 50-52]. Они не были уничтожены. Однако польские историки, как и австрийские, за 100 лет не обнаружили никаких следов, говорящих о связях Ленина с военной разведкой Австро-Венгрии.

Дюков, стремясь продемонстрировать объективность, пишет по этому поводу: «Разумеется, даже уничтожение личного дела агента, не означает, что уничтожены все следы. Остаются оперативные донесения, остаются готовившиеся на основании донесений доклады для руководства, остаётся переписка с другими ведомствами...» [8, с. 141]. Возникает новый вопрос: нашёл ли автор хотя бы косвенные следы того, что Ленин предоставлял краковскому бюро разведки какие-либо донесения? Текст статьи ясно показывает: нет.

В этой связи сделаю ещё одно замечание. Любой непредвзятый читатель должен в первую очередь спросить: а какую важную информацию мог сообщить Ленин австрийской военной разведке? Из каких источников? Для историка, знающего, какие возможности были у Ленина и его соратников для получения информации по военной тематике, ответ очевиден: Ленин не мог располагать такой информацией, и уже поэтому не представлял интереса для австрийской военной разведки, что и объясняет отсутствие доказательств версии «Ленин – агент».

Тем не менее Дюков на протяжении всей статьи упорно пытается подкрепить свою версию при помощи двусмысленных трактовок известных фактов и «глухих» ссылок на якобы найденные им новые документы. Покажем это на примере самых значимых утверждений и «аргументов» автора статьи, относящихся к деятельности Ленина в Кракове и Поронине до ареста в Новом Тарге.

«Прямые контакты». «В. И. Ульянов, – пишет Дюков, – ... поддерживал *прямые контакты* с краковским НК Stelle. Он неоднократно лично встречался с прикомандированным сотрудником НК Stelle комиссаром полиции Р. Крупиньским и посещал его канцелярию в краковской крепости» [8, с. 129]. На мой взгляд, эта фраза уже сама по себе опровергает версию Дюкова: «неоднократные» встречи Ленина с сотрудником НК Stelle в полицейском управлении, если они действительно были, с очевидностью доказывают, что Ленин не агент: с агентами встречаются на конспиративных квартирах, их не «светят» встречами в полицейском управлении.

Дюков подтверждает своё категоричное заявление о «прямых контактах» характерным для него способом: «глухими» ссылками на российский архив РГАСПИ и воспоминания Р. Крупиньского, комиссара краковской полиции, не сообщая читателю, какую конкретную информацию содержат эти источники [17; 20, р. 244-245]. Впрочем, внимательный читатель, даже не проверяя их, может смело утверждать, что они не содержат сведений, компрометирующих Ленина, поскольку речь идёт о мемуарах Р. Крупиньского, которые, как следует из ссылки, были изданы в 1970 г. в Варшаве Институтом истории Польской объединённой рабочей партии (т. е. польскими коммунистами в период Польской Народной Республики). Добавим и то, о чем умалчивает Дюков в своей статье: воспоминания были написаны в январе 1945 г. вскоре после освобождения Кракова советскими войсками по просьбе инструктора Политуправления Первого Украинского фронта майора С. Щукина, который по поручению Институ-

та Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б) нашёл ряд людей, знавших Ленина в период краковской эмиграции, а также 14 книг из библиотеки Ленина с его пометками. Отметим, что Крупинский был хорошо известен в ИМЭЛ как человек, который помогал Ганецкому в 1924 г. найти ленинские документы в Кракове.

В то же время отметим и другое: в третьем томе Биографии Ленина, относящемуся к краковскому периоду, нет упоминаний о встречах Ленина с Крупинским, хотя отмечены все контакты вождя большевиков с органами полиции в Кракове и Вене, включая эпизоды с пропиской, заполнением анкеты, допросом в районном отделении полиции Кракова, посылкой письма начальнику полиции Кракова в день обыска, получением документов на выезд из Кракова в Вену, а затем в Швейцарию и т. п. [4, с. 267]. Составители Биографии не сочли возможным включить сведения о встречах Ленина с Крупинским потому, что они не были подтверждены ничем, кроме слов последнего, которые к тому же звучат весьма неопределённо. В январе 1945 г. Крупинский написал: «... между 1912 годом и разразившейся европейской войной в 1914 году, [Ленин] мог быть в моей канцелярии *один-два* раза. Один раз, спрашивая меня о происходивших все чаще в Кракове демонстрациях и выступлениях в связи с приближавшейся войной – нет ли каких-либо препятствий для дальнейшего его пребывания в Кракове. Получил от меня успокоительный ответ. По какому вопросу появился у меня во второй раз, сейчас уже не могу припомнить» [20, р. 245].

Полагаю, что составители Биографии не поверили Крупинскому. Они знали, что Ленин был осторожным человеком и не стал бы по такому поводу идти по своей инициативе в полицию. Подобные вопросы он мог выяснить через польских социалистов, прежде всего через доктора Марека, с которым, как пишет Крупинский, «нас связывали товарищеские отношения ещё из школы» [20, р. 244]. Однако, давайте поверим Крупинскому в том, что встречи с Лениным были, и зададим вопрос: можно ли трактовать его воспоминания как аргумент в пользу тезиса о «прямых контактах» Ленина «с краковским НК Stelle»? Ответ очевиден: нет. Из воспоминаний Крупинского ясно следует, что Ленин мог приходить к нему *один-два* раза как к *комиссару полиции*, а не к офицеру *разведки*. Дюков никак не доказал обратное. Важно подчеркнуть: Крупинский был кадровым сотрудником не разведки, а политической полиции, курировавшим эмигрантов в Кракове, и по долгу службы он информировал военную контрразведку о тех, кто могли быть шпионами. В начале 1917 г. Крупинский стал директором полиции Кракова, в 1924 г. исполнял обязанности начальника общественной безопасности Краковского округа, в 1926 г. исполнял обязанности уездного старосты в Тарнове, в 1929 г. вышел на пенсию. Иными словами, он никогда не был кадровым сотрудником военной разведки, который мог *курировать её агента*. Завершая этот сюжет, хочу особо подчеркнуть: помимо искажённой трактовки воспоминаний Крупинского Дюков не привёл никаких других доказательств в пользу тезиса о *прямых контактах* Ленина с сотрудниками разведбюро.

Провалившись в этом вопросе, Дюков делает ставку на *косвенные* аргументы, которые зачастую носят просто нелепый характер.

«Удостоверения» от Ленина. Важным аргументом Дюков считает свидетельства Р. Малиновского, агента царской охраны [8, с. 146]⁶. Свидетельства Малиновского взяты из показаний бывшего директора царского Департамента полиции С. П. Белецкого, которые тот дал следственной комиссии Временного правительства 6 июля 1917 г., т. е. в разгар антибольшевистской кампании в Петрограде, проходившей под лозунгом «Ленин – германский шпион». Дюков предусмотрительно не называет ни фамилию Белецкого, ни дату показаний, видимо боясь, что какой-либо придирчивый читатель скажет: как можно доверять показаниям бывшего полицейского, данным в «июльские дни» в период оголтелой травли Ленина? Дюков описал свой источник так, чтобы он выглядел солидно: «по данным, полученными российским Департаментом полиции...»⁷. Белецкий показал, что Ленин «настолько, по словам Малиновского, был аккредитован доверием со стороны австрийского правительства, что его *письменные удостоверения с ручательством* за то или другое лицо имели гораздо более значения, чем всякие посольские или консульские удостоверения для австрийских властей» [7]. Для любого объективного историка рассказ Малиновского – очевидное враньё. Но Дюков верит Малиновскому и доказательством правдивости его слов считает историю с «ручательством» Ленина за приезжавших в Краков двух думских депутатов и члена Московского комитета большевиков рабочего В. Г. Шумкина. Этот сюжет Дюков описывает так: «после обращения Ульянова к прикомандированному сотруднику НК Stelle Р. Крупиньскому было прекращено осуществляемое *агентом НК Stelle Б. Карчем* наблюдение за прибывшими в Краков большевиками В. Г. Шумкиным, М. К. Мурановым и Р. В. Малиновским» [8, с. 129]. И далее в привычной манере Дюков делает «глухие ссылки» на фонды польского Архива современных документов и РГАСПИ [19, 17].

Не имею сейчас возможности проверить ссылку на документы, хранящиеся в польском архиве, но думаю, что речь идёт о тех хорошо известных документах из архива ЦК ПОРП, которые ещё в 1950-е годы использовала польский историк-коммунист В. Найдус, упоминавшая о слежке за Малиновским, который приезжал к Ленину в Краков в ноябре 1912 г. Однако Найдус ни слово не говорит о том, что эта

⁶ В 1912 г. Малиновский был избран депутатом Госдумы от большевиков и пользовался доверием Ленина, в 1914 г., боясь разоблачения, сдал мандат депутата, ушёл на фронт, попал в плен, в 1918 г. вернулся в Россию, был осуждён и расстрелян как провокатор, по доносу которого были арестованы Сталин, Свердлов и др. видные большевики.

⁷ Это характерная черта работы Дюкова: создать впечатление о том, что он оперирует солидными документами, в то время как на деле таких документов нет.

слежка была прекращена в силу поручительства со стороны Ленина [15, с. 29, 32]. Если бы Дюков нашёл в архиве такой документ, то он обязательно опубликовал его со всеми подробностями, но он не опубликовал, а значит не нашёл.

Ссылку Дюкова на дело из фонда РГАСПИ проверить можно, и она ясно показывает, что источником служат те же воспоминания Крупиньского, смысл которых Дюков вновь искажает. Из текста воспоминаний отнюдь не следует, что Ленин давал Шумкину, Муранову и Малиновскому какие-либо «письменные удостоверения» с «ручательствами», которые принимались во внимание австрийскими властями, как это утверждал Белецкий со слов Малиновского. О Муранове и Малиновском Крупиньский вообще не говорит ни слова, а о Шумкине сообщает, что в октябре 1912 г. тот *по своим* документам легально приехал поездом в Краков и остановился у Ленина [20, р. 244]. Своим внешним видом и поведением Шумкин уже на пограничной станции привлёк внимание полиции, и в Кракове полицейский инспектор Б. Карч явился к Ленину с целью проверки документов Шумкина. Ленин подтвердил факт проживания у него московского гостя и показал справку, согласно которой паспорт Шумкина передан на регистрацию («авизацию»). В конце беседы Ленин просил польского инспектора не сообщать о приезде Шумкина *царской* полиции. Вскоре, по словам Крупиньского, в полицию с той же просьбой приходил доктор З. Марек, глава Союза помощи политзаключённым, школьный товарищ Крупиньского, и тот «чтобы удовлетворить просьбу Ульянова», исключил донесение Карча из «государственной регистрации» [20, р. 244]. Отметим, что в те годы обмен информацией между полицией двух империй проходил крайне редко и ни разу не затрагивал социал-демократов – членов РСДРП. Царскую охранку больше интересовали эсеры-террористы, но Ленин не мог знать об этом наверняка, что и объясняет его тревогу. К изданным воспоминаниям Крупиньского была приложена копия донесения, представленного Б. Карчем, из которого следует, что полицейский инспектор провёл стандартную процедуру проверки документов у иностранца, вызвавшего подозрение, и прекратил её, убедившись в законности его пребывания в Кракове [20, р. 247]. Приведённые документы никак не подтверждают ни статус Карча как агента военной контрразведки, ни тезис о том, что за Шумкиным или за кем-либо другим из гостей Ленина именно военная разведка установила, а затем *по его просьбе и ручательстве* сняла наблюдение. Всё это домыслы автора. Тем более источники не подтверждают фактов выдачи Лениным каких-либо «письменных удостоверений» кому-либо.

«Пропуска» от Ленина. Таким же домыслом является и версия о том, что Ленин выдавал большевикам «пропуска» для перехода границы и провоза литературы. Источником версии служит всё тот же Малиновский, который якобы говорил Белецкому, что «вся литература пропусклась в нашу границу со стороны Австрии вполне свободно, если провожавшее лицо имело от Ленина *пропуск*» [7].

Маловероятно, что Малиновский говорил такие вещи, поскольку он хорошо знал,

что нелегальная литература большевиков в сколько-нибудь значительном объёме из Кракова в Россию не поступала. Это знал и Белецкий, но бывший директор Департамента полиции, давая показания в «июльские дни» 1917 г., решил внести свою лепту в травлю Ленина, а Дюков через 100 лет с полным доверием относится к версии о «пропусках от Ленина» и сделал вывод: «наиболее простым (а, возможно, и единственным) объяснением» таких возможностей у Ленина является то, что «он сотрудничал с австро-венгерской военной разведкой» [8, с. 147].

Увы, вынужден Дюкова огорчить: военная разведка Австро-Венгрии никак не использовала своего «агента» для ведения «подрывной» пропаганды в довоенной России. После приезда Ленина летом 1912 г. в Краков нелегальная литература большевиков, как и прежде, в основном издавалась в Париже, и её было очень мало. Переброска шла через Германию в российскую часть Польши, минуя Краков. Напомним, что в 1912–1914 гг. Ленин был редактором ЦО большевиков газеты «Социал-Демократ» и должен был в первую очередь заниматься выпуском этой газеты. Однако газета никогда не издавалась в Кракове. До начала мировой войны её крайне редкие номера (всего 3 номера за 1913 г.) издавались в Париже, а с началом войны – в Женеве. Напомним, что в 1913 г. большевики провели в Кракове (январь) и Поронине (октябрь) очень важные совещания своего ЦК, но их материалы также были изданы в Париже [12, с. 46, 479]. Достоверно известно, что в Кракове в январе-феврале 1913 г. на *гектографе* были изданы очень малым тиражом и отправлены в Россию экземпляры брошюры с документами Краковского совещания, а также две листовки: 1) написанная Сталиным прокламация «Годовщина Ленской бойни» и 2) написанное Лениным обращение «К социал-демократам» [15, с. 31]. В конце сентября 1913 г. на совещании членов ЦК в Поронине говорилось: «...ввиду отсутствия у Центрального Комитета денег и *путей транспортировки* решено выпускать листки от имени Центр. Комитета и посылать таковые для печатания их местными организациями, и где возможно поставить для сего подпольные типографии» [3]. В январе 1914 г. Ленин просит И. Арманд организовать в Париже срочный выпуск «Бюллетеня ЦК РСДРП», даже не пытаясь его издать в Кракове [12, с. 554-555]. Следовательно, из Кракова Ленину просто нечего было посылать в Россию со своими мифическими «пропусками». В этот период Ленин регулярно посылал в Петербург рукописи своих статей в «Правду», легально издававшуюся большим тиражом. Часто он лично относил их на вокзал и бросал в почтовый вагон, который шёл на Варшаву.

Столь же мифической была и версия о том, что Ленин выдавал большевикам «пропуска» для нелегального перехода границы между австрийской и российской частями Польши. Поясним тему переходов так называемой «зелёной границы», обратившись к трудам польского историка Валентины Найдус, лучшего специалиста по краковскому периоду жизни Ленина: «Через границу был организован нелегальный переход. Впрочем, к нему прибегали лишь в случае крайней необходимости, так как

попасть из Галиции в Королевство Польское можно было гораздо проще – при помощи пропуска, так называемого *пулпаса*, который давал право переходить через границу и свободно передвигаться в пограничной зоне. Достаточно было иметь какого-либо знакомого, постоянного жителя пограничной полосы, попросить у него или просто купить пулпасек, чтобы без особых затруднений проникнуть из Королевства Польского в Краков или из Кракова в Королевство Польское» [15, с. 42, 51]. Иными словами, Ленин не выдавал каких-либо своих «пропусков», их выдавали жители пограничных районов за небольшую мзду. К тому же известны только единичные случаи нелегальных переходов границы большевиками, которые приезжали к Ленину. По воспоминаниям Н. К. Крупской, пулпасом один раз воспользовался Сталин, который также имел и чужой паспорт на случай неудачного перехода, но не «пропуск» от Ленина [10]. Особо отметим М. К. Муранова, думского депутата от рабочей курии Харькова, который хорошо знал ситуацию на границе с Галицией и дважды приезжал в Краков, переходя границу нелегально. Ленин никогда не снабжал его «пропусками» и, более того, ругал, что тот подвергает себя риску без необходимости: «Вы депутат, обладаете неприкосновенностью, ничего не могло бы вам повредить, если бы вы приехали легально. А так мог бы произойти скандал» [5, т. 1, с. 375]. Дюков голословно говорит о «многочисленных нелегалах, приезжавших к Ульянову из России», но не смог назвать никого, кто бы получил «пропуск» от Ленина.

Отметим, что в завершении рассказа о деятельности Ленина в довоенном Кракове, Дюков фактически сам разрушает свою версию, делая следующий вывод: «Итак, совокупность установленных фактических данных, касающихся периода до начала Первой мировой войны, позволяют с высокой долей *вероятности* говорить о сотрудничестве В. И. Ульянова с австрийской спецслужбой» [8, с. 147-148]. Вывод о «*вероятности*» однозначно подтверждает сказанное нами в самом начале: никаких достоверных доказательств у Дюкова нет.

«Быстрое освобождение». Напомним: статья Дюкова уже по названию посвящена прежде всего обстоятельствам *ареста* вождя большевиков, и основным доказательством сотрудничества Ленина с разведкой автор считает факт быстрого, по его мнению, освобождения Ленина из тюрьмы: «Каким может быть непротиворечивое объяснение *быстрому и эффективному* вмешательству военной разведки в дело арестованного В. И. Ульянова? ...объяснение может быть только одно – из тюрьмы вытаскивали *собственного агента*» [8, с. 150].

Прочитав эти строки, я удивился: быстрое? Ленина держали в тюрьме 12 дней. Эффективное? Дюков, выдвинув тезис об «эффективном» освобождении, далее с очевидной нелогичностью объясняет факт длительного пребывания Ленина в тюрьме «занятостью» сотрудников НК Stelle и признает, что о Ленине просто забыли [8, с. 136]. Но это очевидная нелепость: если Ленин – агент, то у него есть куратор, который не может забыть о своём агенте в любой ситуации, тем более, если агентом

является ни много ни мало вождь революционной партии в стране главного противника Австро-Венгрии в начавшейся войне. Зададим ещё один вопрос: как сотрудники местного разведбюро могли забыть о Ленине, когда сразу после ареста в Кракове началась громкая кампания за его освобождение. Жандармский вахмистр Л. Матыщук, который проводил обыск в домике Ленина в Поронине и отвёз его в Новый Тарг, сообщал: «Вернувшись в Поронино, я не имел ни одной свободной минуты, потому что целый день приносили телеграмму за телеграммой»⁸. «Забыть» о Ленине на таком фоне сотрудники разведки не могли. Значит, не забыли. Просто он не был им интересен – не агент.

Но Дюков не может принять такую простую логику и строит систему аргументов в защиту тезиса о быстром освобождении Ленина усилиями сотрудников НК Stelle. Главный аргумент звучит так: «дело против лидера РСДРП было закрыто по *представлению* местного разведбюро» [8, с. 149].

Комментируя этот тезис, отметим, что дело, действительно, было закрыто по представлению местного разведбюро. По-иному и не могло быть: Ленина обвинили в том, что он российский шпион, и никто не мог его освободить без заключения контрразведки. На это обстоятельство обратил внимание Я. Ганецкий, который ещё в 1925 г., а затем в 1933 г. опубликовал учётную карточку «Дела по обвинению Ульянова Владимира в преступлении по ст. § 321...». Карточка фиксировала процедуру рассмотрения дела военным прокурором и была выполнена в виде таблицы. Четвёртый столбец содержал предложение прокурора закрыть дело с учётом заключения разведбюро: «Согласно *устного* заявления здешней разведки, совершенно исключено, что обвиняемый занимался шпионажем. Предлагаю отказаться от обвинения согласно § 138 за отсутствием данных для преследования». Пятый столбец назывался «Решение коменданта» и содержал запись: «Согласен. 18/VIII. (Подпись) Матушко (неразборчиво)» [6, с. 36].

Таким образом Ганецкий дважды опубликовал документ, который показывал прямое участие местной контрразведки в освобождении Ленина, и не увидел в нем доказательства того, что Ленин был агентом и именно поэтому был освобождён. Не увидели этого и другие отечественные и зарубежные историки. А историк Дюков увидел, но рассказал об этом так, что сразу породил сомнение в своей объективности. Он процитировал строки, которые содержал 4-ый столбец таблицы, и дал «глухую» ссылку на архивный фонд РГАСПИ, где хранятся документы Ганецкого, не упомянув о том, что ссылается на таблицу, давным-давно опубликованную соратником Ленина [8, с. 136]. Получается, что Дюков якобы нашёл новый документ – главное доказательство его версии. Отметим, что этот приём Дюков применяет постоянно: вся основная информация взята им из опубликованных документов, собранных Ганецким.

⁸ Цит. по: [15, с. 153].

Но Дюков под тем предлогом, что Ганецкий будто бы публиковал документы с искажениями, ссылается на архивные дела, в которых лежат эти уже опубликованные документы. Однако ни одного примера существенного искажения в этих публикациях Дюков не приводит⁹. У советских историков такое поведение считалось неприличным. Если документы опубликованы другим исследователем, надо ссылаться на эту публикацию, т. е. признавать приоритет, или надо доказать, что прежняя публикация страдала существенными недостатками.

Обратим внимание ещё на один вопрос, который Дюков обходит стороной: почему местная разведка предоставила «устное заявление»? На наш взгляд, это прямое свидетельство того, что главную роль в освобождении Ленина сыграло министерство внутренних дел Австро-Венгрии, получившее просьбу В. Адлера. Об этом говорит чёткая последовательность и очевидная связь событий: в Вене 16 августа Адлер встречается с руководством МВД, 17 августа из МВД в Краков идёт фактическая просьба освободить Ленина, утром 18 августа военный комендант Кракова велел «*приостановить* дело против Владимира Ульянова за *отсутствием оснований* для возбуждения судебного следствия». Отметим: «приостановить ... за отсутствием оснований». Реакция военного прокурора на решение старшего военного начальника могла быть только одной: срочный запрос в местное разведбюро о том, если ли у них какие-либо основания. Из бюро следует срочный *устный* ответ (т.е. письменный они не приготовили): оснований нет. В тот же день военный прокурор предложил закрыть дело, и военный комендант тут же утвердил это решение. «Устный ответ» разрушает версию Дюкова о «быстром и эффективном вытаскивании собственного агента»: пока старший военный начальник в Кракове в ответ на просьбу из Вены не задал вопроса: где основания для ареста, никто в местном разведбюро не пошевелился, поскольку, повторим, Ленин был им неинтересен – не агент.

«Визит к Моравскому». Усилия автора статьи спасти версию «Ленин – агент» продолжают предвзятой трактовкой событий, последовавших после освобождения Ленина из тюрьмы в Новом Тарге. В этих целях Дюков очень некрасиво манипулирует тремя телеграммами, которые 19 августа направил в Новый Тарг военный прокурор. Первой была телеграмма о немедленном освобождении Ленина, второй телеграммой прокурор уведомил окружной суд о необходимости «сообщить Ульянову Владимиру явиться при проезде через Краков к полковнику Моравскому в здание Корпусного Командования». Дюков отмечает, что на деле речь идёт о капитане Моравском, который был замначальника местного бюро разведки, и видит в этом распоряжении доказательство связи Ленина с разведкой. На мой взгляд, это предложе-

⁹ Нельзя же считать существенным искажением ошибку в звании сотрудника разведбюро капитана Моравского, который в публикации Ганецкого назван полковником. См.: [8, с. 136].

ние ещё раз доказывает отсутствие такой связи. Как уже было сказано, секретных агентов не приглашают (да ещё через целую цепь посторонних лиц) являться в здание корпусного командования, к руководителю разведслужбы. С агентами встречаются на конспиративных квартирах. Отметим, что вскоре пришла третья телеграмма, в которой военный прокурор сообщал, что Ленин «должен лишь сообщить письменно или телеграфно свой адрес в Поронине капитану Моравскому, здание корпусного командования». Иными словами, являться к Моравскому лично Ленин не должен. Однако Дюков меняет вторую и третью телеграммы местами, создавая впечатление о том, что *итоговым* было требование *личной явки* вождя большевиков к офицеру разведки в здание корпусного командования [8, с. 137]. Эта подмена не позволяет считать Дюкова добросовестным исследователем.

Явился ли Ленин к Моравскому? Если учесть тот факт, что в последней по времени телеграмме военного прокурора Ленину было предписано только сообщить свой адрес, то оснований для визита к Моравскому не было, поскольку адрес Ленина был тут же сообщён телеграммой из полиции Нового Тарга [6, с. 33]. Тем не менее Дюков пишет: «Ульянов *выполнил* полученный им при освобождении приказ явиться к замначальника НК Stelle в здание корпусного командования». И приводит просто забавный аргумент: «Из позднейших данных швейцарской полиции мы узнаем, что Ульянов “должен был свои [удостоверяющие] документы оставить в Кракове в военном ведомстве”, что подтверждает факт его визита в здание корпусного командования» [8, с. 138]. Других доказательств встречи Ленина с Моравским у Дюкова нет.

Упомянув о «позднейших данных швейцарской полиции», Дюков делает очередную «глухую» ссылку на архивные документы, заставляя читателя гадать: 1) что стало источником «данных швейцарской полиции»; 2) говорят ли они прямо о встрече Ленина и Моравского? [16]. Ответим на эти вопросы: 1) источником данных был сам Ленин; 2) в них нет сведений о том, что Ленин «выполнил приказ» и встретился с Моравским. Упомянутые Дюковым «данные швейцарской полиции» представляют собой ответ полиции Берна от 20 ноября 1946 г. (!) на запрос о пребывании Ленина и его семьи в Берне. Запрос скорее всего был связан с вопросом о том, как быть с могилой матери Н.К. Крупской, похороненной в Берне весной 1915 г., поскольку в 1947 г. планировался снос участка кладбища, на котором находилась могила. В ответе приведены адреса квартир, которые снимал Ленин в Берне, и свидетельства их хозяев о том, что он действительно проживал с женой и тещей. Среди прочего, есть ссылка на письмо от 6.10.1914 г., направленное в полицейское управление кантона Берн швейцарским социалистом видным юристом Карлом Зграггеном (Karl Zraggen)¹⁰, который в Швейцарии оказывал Ленину правовую поддержку, и, в частности был «душепри-

¹⁰ Карл Зграгген с 1920 по 1929 гг. занимал пост судьи Высшего федерального суда Швейцарии.

казчиком» матери Н. К. Крупской. В письме Зграггена упоминалось о том, что Ленин приехал в Берн, имея при себе только «выданное 1 сентября 1914 года полицейским управлением Вены удостоверение (Legitimation), которое давало ему право использовать «по правилам военного времени» почтовый поезд, курсировавший между станциями Вена и Букс». Остальные «бумаги» (Schriften - документы?) Ленин «был вынужден оставить в военном ведомстве в Кракове». Очевидно, что источником таких данных был сам Ленин. Речь идёт о том объяснении, которое он дал при получении в Швейцарии новых документов. Напомним: Ленин пересёк границу без паспорта, но под своей настоящей фамилией. Самое простое, что Ленин мог сказать в полиции Берна: оставил старые документы в Кракове по требованию военных. Однако такое требование было весьма странным. После начала мировой войны сотни эмигрантов тут же покинули Австро-Венгрию, и австро-венгерская полиция не отбирала ни у кого из эмигрантов тех документов, с которыми они приехали в эту страну. У краковского разведбюро не было никакого интереса в том, чтобы отобрать у Ленина его удостоверение личности, выданное полицией Франции. А у Ленина был интерес сказать швейцарской полиции, что его документы забрали военные в Кракове: Ленин хотел получить новые документы, выданные в нейтральной стране. Поручительство со стороны швейцарских социал-демократов позволило решить эту задачу: Ленину на фамилию Ульянов выдали сроком на один год вид на жительство, который он регулярно обновлял. Если бы Ленин был агентом, то Моравский должен был бы обеспечить его необходимыми документами для гарантированного въезда в Швейцарию, а не создавать трудности, которые Ленину позволили преодолеть только лидеры австрийских (В. Адлер) и швейцарских (Г. Грейлих) социал-демократов.

Возникает вопрос: а зачем А. Дюков так старался доказать факт встречи Ленина и Моравского? Ответ простой: иначе получалось, что Ленин в принципе ни разу не имел «прямых контактов» с представителями военной разведки. Однако, вновь повторим свой аргумент: даже если допустить, что Ленин встречался с Моравским, сам факт приглашения его на такую встречу через цепь посредников практически открытыми телеграммами, направленными в полицию Нового Тарга, доказывает, что Ленин не был агентом.

200 крон. А дальше идёт просто детективная история, которую Дюков излагает так: «Судя по всему, при освобождении из новотаргской тюрьмы В. И. Ульянову не только приказали явиться к замначальника краковского НК Stelle, но и снабдили деньгами. В позднейших нотариально заверенных показаниях *detей* окружного комиссара Нового Тарга К. Гловиньского, 19 августа лично прибывшего освобождать из тюрьмы лидера РСДРП, содержится *описание* расписки, которую Гловиньский получил от Ульянова в обмен на 200 австрийских крон» [8, с. 137]. В расписке говорилось, что деньги были даны *взаимы*. Дюков ссылается на польский Архив современных документов (AAN), но не цитирует столь важные документы и не отвечает на неиз-

бежные вопросы: почему показания дали дети комиссара? когда, где, кому они их дали? Обойдя молчанием все эти вопросы, Дюков далее заявляет, что «по всей видимости, возвращение 200 крон и не предполагалось, а Гловиньский действовал в соответствии с полученными из Кракова инструкциями» [8, с. 138]. Дюков явно намекает, что деньги дало разведбюро.

Строго говоря, историю с деньгами можно просто отбросить по формальным основаниям: есть только свидетельство детей. Но поверим детям Гловиньского в том, что они видели у отца какую-то расписку от Ленина в получении денег, и зададим вопросы: зачем руководство разведбюро в Кракове решило дать Ленину 200 крон сразу после освобождения из тюрьмы в Новом Тарге и зачем оно поручило эту деликатную операцию местному комиссару полиции? Почему не сделать это при возвращении Ленина в Краков? Единственное разумное объяснение: Ленину вернули принадлежавшие ему деньги, изъятые (или неполученные) именно в Новом Тарге или Поронине. Так при аресте в Новом Тарге у Ленина отобрали 91 крону 99 геллеров (примерно 35 руб.). Скорее всего при освобождении эту сумму Ленину вернули, но это точно не известно. Однако известно другое: большевик Ф.Н. Самойлов, получив думское жалованье, как раз накануне ареста Ленина перевёл ему в Поронин 500 швейцарских франков, т. е. чуть меньше, чем 500 австрийских крон¹¹. Но Ленин получил от почты не деньги, а сообщение о том, что «на его имя имеется почтовое отправление и что ему, как подданному воюющей с Австрией державы, оно выдано быть не может» [5]. Иными словами, Ленину был причинён существенный материальный ущерб. После своего освобождения из тюрьмы Ленин не мог не потребовать вернуть ему деньги. Не исключено, что 200 крон были первой частичной компенсацией ущерба, нанесённого Ленину почтой и полицией Нового Тарга. Понятно, что эту компенсацию осуществлял местный полицейский чиновник, который взял соответствующую расписку у Ленина. Не исключено, что впоследствии Ленин получил всю сумму, потому что впоследствии он не жаловался на то, что не получил этого перевода. Представлять упомянутые 200 крон (78 рублей) платой, выданной австрийской военной разведкой Ленину как агенту, просто смешно. Эта денежная история наиболее наглядно показывает уровень «доказательств», выдвинутых А. Дюковым в пользу версии «Ленин – агент военной разведки Австро-Венгрии».

Уже закончив свою рецензию на статью Дюкова, я получил от коллег ссылку на текст, размещённый Дюковым на странице в «Телеграм»: «19 августа Ильича по ходатайству краковского разведотдела освобождают из тюрьмы ... и велят явиться к замначальника разведотдела, ... освобождать Ильича приезжает окружной комиссар

Гловиньский ... и даёт Ильичу 200 крон займа под расписку (нотариально заве-

¹¹ В 1914 г. 1 швейцарский франк стоил 37,5 копеек, а австрийская крона - 39 коп.

ренные показания родственников Гловиньского об этой расписке, ААН), после этого 20 августа в Эвиденцбюро приходит письмо о том, что некому человеку (фамилия вырезана) одолжили 200 крон (книга входящей документации Эвиденцбюро, OeStA)». К этому тексту Дюков без каких-либо пояснений о том, как был получен, прилагает явно скомпонованный скан документа, на котором стоит цифра 200 крон.¹²

Я нахожусь в некотором затруднении: текст, размещённый в «Телеграм» не является научной публикацией и уже поэтому не подлежит научной критике. На полях интернета много фальшивых документов, которые впоследствии комментируются как «случайная ошибка», «шутка», «прикол», «мистификация», пиар-ход и т. п. Подожду официальной публикации этой фальшивки в книге Дюкова, который видимо не понимает, что такой «аргумент» необратимо подрывает его репутацию как учёного. Однако, если фальшивка появится в книге, которая получила положительную рецензию от сотрудников ИРИ РАН (о чём упоминал Дюков), то это серьёзно заденет и авторитет ИРИ РАН.

* * *

Заключая свою рецензию вопросом, который меня постоянно преследовал в ходе чтения статьи Дюкова: как мог российский историк, который обладает существенными познаниями в области новейшей истории, столь усердно создавать и отстаивать явно фальшивую версию, направленную на дискредитацию человека, дела которого определили ход истории России и мира в XX веке? Я понимаю, что А. Дюков как историк формировался в «лихие 1990-е», да и ещё в стенах РГГУ. Его основал и долго возглавлял Юрий Афанасьев, один из тех номенклатурных «коммунистов», который превратился в «обличителя» советской исторической науки и советского строя. Похоже, что Дюков принадлежит к числу тех молодых постсоветских историков, кто попался на удочку западных спецов периода «холодной войны»: они серьёзно потрудились над демонизацией образа Ленина, рисуя его «антипатриотом», «презиравшим» русский народ, и разрушителем «процветающей» царской России.

В противовес напомним читателям оценку известного русского философа, университетского профессора Николая Устрялова, кадета, который в период гражданской войны был начальником пресс-бюро правительства А. В. Колчака, а уже в 1921 г. пришёл к выводу, что большевики были единственной силой, способной восстановить могущество России. Устрялов подчёркивал патриотизм и особую «русскость» Ленина как политика: «Он был, несомненно, русским с головы до ног. И самый облик его – причудливая смесь Сократа с чуть косоватыми глазами и характерными скулами монгола – подлинно русский, “евразийский”. <...> Ленин – подлинный сын России, её национальный герой, рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и

¹² https://t.me/tm_treveler/2689.

Толстым». Напомню и ту оценку, которую дал знаменитый английский учёный Бертран Рассел: «... Наш век войдёт в историю веком Ленина и Эйнштейна, которым удалось завершить огромную работу синтеза, одному – в области мысли, другому – в действии. Ленин казался мировой буржуазии разрушителем, но не разрушение сделало его известным. Разрушить могли бы и другие, но я сомневаюсь, нашёлся ли бы хотя ещё один человек, который смог бы построить так хорошо заново»¹³. И действительно: после окончания тяжёлой Гражданской войны, ставшей возможной только в результате иностранной интервенции, Ленин быстро собрал в единое целое большую часть распавшейся Российской империи и предложил плодотворную стратегию строительства нового общественного строя, в основе которого лежал принцип социальной справедливости. Преимущества экономики социалистического типа и энтузиазм советского народа, проявленный в процессе этого строительства, позволили России в кратчайший срок ликвидировать военное, научное, культурное и экономическое отставание от передовых стран Запада, критически опасное в эпоху империализма. Сегодня ни один объективный историк не может отрицать очевидный урок истории: та модель советского социализма, которая со всеми трудностями и издержками была реализована в результате Октябрьской революции, оказалась самой эффективной в сравнении как с досоветской, так и постсоветской моделями развития страны в конкретных условиях XX века. Поэтому заведомая клевета на Ленина – это не просто антинаучная, но и антипатриотическая акция, которая мешает правильно оценить уроки истории.

Литература

1. Бернов Ю.В., Манусевич А.Я. В краковской эмиграции: жизнь и деятельность В.И. Ленина в 1912–1914 гг. М. 1988.
2. Бернов Ю.В., Манусевич А.Я. Ленин в Кракове. М. 1972.
3. Большевики. Документы С. 219.
4. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870-1924. В 12-ти томах. Том 3. М.: Политиздат, 1972.
5. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 томах. М., 1979.
6. Ганецкий Я. Воспоминания о Ленине. М.: Партиздат, 1933.
7. Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 122.
8. Дюков А. Обстоятельства ареста и освобождения В. И. Ульянова в австрийской Галиции в контексте оперативной деятельности австро-венгерской военной разведки, 1912–1914 г // Ostkraft. № 25. 2025.
9. Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971.
10. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Части I и II. М., 1933. С. 184.

¹³ Эти и другие оценки, данные Ленину выдающимися учёными и политиками, были собраны в очень поучительной книге: [13].

-
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Том 49. С. 2, 482.
 12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 24. С. 46, 479.
 13. Ленин. Человек – мыслитель – революционер. Воспоминания и суждения современников. М.: Политиздат, 1990.
 14. Ленинский сборник II. Под ред. Каменева Л. Б., ГИЗ М.–Л., 1924.
 15. Найдус В. Ленин в Польше. М.: Издательство иностранной литературы. 1957.
 16. РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 70. Л. 3–3 об.
 17. РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2508. Л. 1об. – 3.
 18. Сервис Р. Ленин. Минск: ООО «Попурри». 2002. С. 254–256, 284.
 19. ААН, 2/1232/0/1/78/II/1, к. 2–7.
 20. Krupiński R. Oczyma komisarza policji // Polacy o Lenine. Warszawa, 1970.
 21. Moritz V., Leidinger H. Lenin. Die Biografie: Eine Neubewertung. Wien, 2023.
 22. Service R. Lenin, a political life. In 3 vols. Bloomington: Indiana University Press. 1985–1995.
-